

В СВОБОДЕ»

заметьте, с удовольствием. Неужели можно сожалеть о времени, потраченном на живопись? Я учился у двух замечательных мастеров — театрального художника В. В. Дмитриева и чистой воды живописца Р. Р. Фалька, поочередно подпадая под их влияние. Мой портрет А. А. Ахматовой — последний при «ее жизни, — безусловно, во многом от Фалька. К сожалению, в моих занятиях произошла долгая пауза, и теперь я рисую только по мере надобности. А из меня, вероятно, получился бы неплохой сценарист. Я чувствую сценическую форму, она для меня неотделима от драматургического материала. Декорации, костюмы, свет не менее чем сам автор диктуют актеру манеру поведения.

— В каком времени вы духовно живете, Алексей Владимирович!

— В прошлом. И не намереваюсь поступать в нынешний детский сад. Мои прежние страсти сохранили для меня свою актуальность. Например, мой идеал женщины — верность, преданность, любовь до последнего вздоха со всеми красивыми атрибутами: страдани-

ями, слезами, письмами... А вашему поколению, быть может, вовсе не нужна семья, для вас это прекрасное буржуазное изобретение уже устарело. Вы будете жить ближе к природе, с общими детьми — племенным способом. И я отнюдь не убежден в нашем перед вами преимуществе. Я просто сижу в своем садике, ни к кому не лезу с поучениями, но и сам не желаю приспосабливаться. Я не хуже и не лучше других, я такой, какой есть. Сейчас модно носить широкие штаны парусом, а мне это кажется смешным.

Я надежно защищен своим прошлым. Современность давит на меня постольку поскольку — в бытовом смысле. Налаженный быт, не отвлекающий от работы, — это единственное, в чем я завидую иностранцам.

— Отчего, по вашему мнению, все вдруг кинулись в аристократию, в купечество, неожиданно услышали голос крови, молчаливый семь десятилетий!

— Шкала бывших ценностей разрушена, сметена напроць. Немногого, видно, они стоили. Человек очутился наяву с самим собой и испу-

гался. Он не самодостаточен, в нем нет внутреннего стержня. Духовная жизнь бесодержательна, так хоть шапку повыше нацепить. Отсюда же, кстати, дикая мешанина религий в головах. Раньше рвались в партию, теперь — во дворянство. Механизм отлажен. Вдобавок по родовому или политическому признаку можно объединиться с себе подобными, чтобы не болтаться одному в мутном потоке. Но — и только.

Я не верю, что кто-нибудь действительно «перестроился». Люди — наиболее консервативные существа на Земле. Во всяком случае, судя по археологическим документам, со времен потопа они ничуть не изменились. Ваши вопросы и мои ответы давным-давно начертаны палочкой на пергаменте. Отношение к миру, угол восприятия за столь короткий срок перевернуть нельзя. Наше мировоззрение включает в себя каждую мелочь — вплоть до того, старую или «модерновую» мебель вы любите. Подлец не бывает искренним почитателем Моцарта. Все взаимосвязано, в какой-то момент он сорвется. Что касается интеллигентов, я думаю, что это

племя неистребимо. Процент подлинно интеллигентных людей всегда был не слишком высок. И в каждом последующем поколении он, по-моему, стабильно держится. Ни революция, ни застой ничего не делают.

— На взгляд художника, в нашей сегодняшней обыденной жизни присутствуют красота, гармония!

— В огромной степени Свобода и красота неразделимы. А в России впервые за всю ее историю ликвидируется рабство. События такого масштаба не совершалось с самого крещения Руси. Ведь у нас было не 3—4, как пишут в учебниках, а 12—13 попыток привести страну к демократическому правлению. И вот одна из них всколыхнула миллионы людей. Похоже, на этот раз так просто к прошлому не вернуться. В политику я не вникаю. Ход истории значительнее политических перемещений. Но в то же время нельзя отрицать, что новая эра замаячила именно с приходом Горбачева. Он оказался мощным орудием в руках истории. Ну а если дойдем до конца, полностью раскрепостит народ, раздадим землю... Да вы что, братцы, вы понимаете, на какой потрясающий отрезок пришлось наша жизнь? Неуютно, конечно, но как интересно!

Мне порой не верится, что все позади. Вашему поколению трудно объяснить, что значило

лишиться московской прописки или очутиться в папке неугодных начальству актеров. Вы привыкли: там не получилось, попробую в другом месте, с режиссером поругался — и тьфу на него. У вас на дороге никто не стоит. А вы спрашиваете, где гармония...

— Вы часто пользуетесь понятием «поколение». Для вас эти пограничные линии действительно принципиальны!

— Принципиальны, в силу их реальности. Мы рождаемся и становимся в очередь за лавтанцией на гроб, соблюдая строгий порядок. И наши соседи не нами выбраны, а поставлены Господом Богом. Вы плывете в своей компании, я — в своей. Вы меня пока еще видите, а потом перестанете. Вот и все. Предположим, вы мечтали бы выйти замуж за Байрона. Вы хороша, замечательная, все знаете, — Байрон вам был бы как раз под пару. Но он уже получил квантицию и отошел от кошечки. А тот, кто рядом с вами, — он не Байрон. Он другой. И вам волей-неволей придется с этим считаться. Хотя, разумеется, «лицо поколения» — выражение банальное и поверхностное. Люди сближаются не по возрасту, а по уму и душевному лечению.

— И, согласитесь, продолжают сближаться даже тогда, когда один из них уже «отошел от кошечки». Вспомни-

тая Ахматову, вы, наверное, многое открыли в ней для себя в зрелые годы!

— Я прожил с ней бок о бок с шести лет до ее смерти. Между прочим, первая статья о ней, опубликованная в Ленинграде, была моей. У покойных знаменитостей, как правило, появляются толпы друзей. У Высоцкого их миллион. И все до одного сознавали его гениальность. Остается лишь недоумевать, отчего же он так страдал! Вокруг Ахматовой закружилась та же камарилья, так что я стараюсь не вылезать. Она очень боялась, что однажды ее начнут изучать, толковать, анализировать. Незадолго до конца даже написала все свои фотографии, чтобы зря не копались в ее жизни. Но все равно стала предметом дошных изысканий, это же естественно.

Не размышлять над стихами Ахматовой невозможно. И чем дольше живешь, чем глубже в них погружаешься, тем поразительнее кажутся их целостность и завершенность. Ни полунаметков, ни просветов, строки монолитны. Нечего убавить, нечего исправить, все написано раз и навсегда. Ей было доступно внеэмоциональное и вневременное восприятие мира. «Час мужества пробил на наших часах, и мужество нас не покинет...» — это слова из Космоса. Нормальный человек, тем паче блокадник, ими не утешится. А «Иди

домой и ничего не жди» — разве обычные люди могли дать такой совет — жестокий, трезвый — всеми оплаканному Пастернаку? В старости она была совсем не похожа на собственные стихи. Грузная, большая, и вдруг: «За себя я заплатила Чистогоном...» Она и жаргон знала, царскосельская воспитанница. Вообще, мне кажется, к концу жизни она знала все.

— Ахматова сказала, как отрезала: «Но я предупреждаю вас, что я живу в последний раз». У вас есть чувство завершенности вашего земного круга? Вы воплотили все, что задумывали!

— И десятой доли не воплотил. Сколько всего не сыграно, не поставлено, не нарисовано... Актер — не поэт, с годами он многое безвозвратно утрачивает. Любый из моих студентов за время обучения сыграл больше, чем я за всю жизнь.

Но меня волнует не это. Гораздо важнее, успею ли я протянуть руку кому-то, нуждающемуся в моей помощи. Речь идет, разумеется, не о бесконечном «сборе средств». Знаю я эти фонды по спасению китов — потом ни китов, ни денег... Хотелось бы сделать что-то хорошее людям и просто так, помимо моей профессии.

Беседу вела
Елена ЯМПОЛЬСКАЯ.